

В. А. Гавриков

Современная русская проза: имена медийные и потаенные

В статье автор анализирует состояние современной отечественной прозы и отмечает, что на внимание читателей к современному тексту влияют несколько обстоятельств: качество оценок произведения критиками, наличие у автора литературных премий и медийные средства продвижения произведения. Автор делает обзор премиальных романов, отмечая широту тематики произведений и жанровые эксперименты авторов вплоть до «кокетейного» романа, и предлагает свой перечень лучших романов премиальных и малоизвестных авторов.

Ключевые слова: современная отечественная литература, литературные премии, жанровые эксперименты.

Для цитирования: Гавриков В. А. Современная русская проза: имена медийные и потаенные // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 4. – С. 154–163. DOI 10.35231/25419803_2022_4_154

Наверное, многие книголюбы сегодня потому и застревают в классике, что не знают, как объять эту глыбу – современную русскую словесность. Мне даже иногда кажется, что из самой читающей страны мы превратились в самую пишущую. Поэтому, как мне представляется, сегодня попасть на литературный Олимп не так просто – конкуренция достаточно высокая.

Чуть ли не единственным осязаемым критерием значимости того или иного автора являются литературные премии. Да, и они сегодня не имеют того общественного резонанса, который имели в прошлом. И тем не менее это всё-таки хоть

какое-то мерило. Члены наиболее авторитетных премиальных жюри никогда не увенчают лаврами откровенный китч, графоманию в худшем ее понимании. Что, конечно, не отменяет личностной и политической подоплеки при рассмотрении конкурсных текстов. Например, Алексей Иванов вообще долго отказывался от участия в премиальном процессе, считая, что всё правит «тусовка» и премируют только своих. Но это отдельная тема...

Помимо премий есть еще внимание критиков и, что, наверное, куда более важно – пиар, то есть различные способы продвижения литературного продукта. Некоторые авторы получают аудиторию потому, что они хорошо преподнесли себя в информационном поле, а не потому, что они хорошо пишут. Собственно, и я при выборе наиболее значимых писателей во многом тоже ориентируюсь на общественное признание – куда ж деваться. Правда, вращаясь в кругу ученых-филологов, я иногда открываю для себя малоизвестных талантливых авторов, которые, что называется, «в струю не попали».

Среди наиболее премиальных наших писателей (называю в алфавитном порядке): Евгений Водолазкин, Михаил Елизаров, Александр Иличевский, Захар Прилепин, Андрей Рубанов, Ольга Славникова, Марина Степнова, Людмила Улицкая, Михаил Шишкин, Леонид Юзефович, Гузель Яхина. Да простят меня те, кого я, может быть, упустил.

Кстати, символично, что я начал с Водолазкина. Недаром он оказался первым по алфавиту. В течение нескольких лет я опрашиваю своих знакомых филологов, по преимуществу профессоров, о том, кто же, по их мнению, самый интересный русский писатель современности. И такое чувство, что чаще всего называют именно Евгения Водолазкина. Хотя тут может быть цеховая солидарность: Евгений Германович – редкий доктор филологических наук, профессор среди писательского сообщества. Навскидку вспоминаю здесь еще ректора Литинститута Алексея Варламова, Андрея Аствацатурова, да Александра Чудакова, о котором скажу отдельно.

Если же говорить о самом премиальном из премиальных, то это место, пожалуй, займет Михаил Шишкин, единственный человек, ставший обладателем премий «Русский Букер», «Большая книга» и «Национальный бестселлер». Эти премии,

не в обиду остальным, считаются, пожалуй, всё-таки наиболее авторитетными в России. Но сразу предупреждаю: Шишкин – писатель очень своеобразный, далеко не каждому он пойдет.

В этом списке самых премиальных нет ни Алексея Иванова (того самого, у которого Географ глобус пропил), ни, допустим, Виктора Пелевина, ни недавно ушедшего из жизни классика Андрея Битова. Однако, повторю, премиальная повестка во многом формируется и по общим заслугам, которые ярче проявляются, если писатель активно ведет себя в медиасреде.

Среди малоизвестных авторов, которые могут претендовать на место классика, я бы, пожалуй, назвал Дмитрия Бакина, практически никакими наградами не почтенного. Его стиль неповторим, его художественный мир узнаваем, его философичность глубока. Бакина сравнивают с Андреем Платоновым, но не сказать, чтобы он так же беспощадно выкручивал русский синтаксис. Хотя общее настроение, да, очень похоже. Но в целом, Бакин – отнюдь не второй Платонов. Это чуть ли не единственный писатель, о котором даже самые злые критики отзываются уважительно.

Не так известен читающей публике Александр Григоренко (правда, в высшем премиальном списке всё-таки «засветившийся»). На мой взгляд, этот человек по качеству текста не уступит в современной русской прозе никому – что не означает его первенства, я хочу лишь сказать, что это, как и Бакин, один из самых самобытных художников слова в новейшей нашей литературе.

Для примера назову еще пару не очень известных авторов, которые могут понравиться. Обратите внимание на Полину Клюкину – лауреата премии Дебют. Но главное, что меня в ней поразило, это то, что она смогла дать такую крепкую прозу в 22 года! Некогда меня изумило ранее взросление Михаила Шолохова, который в те же 22 делал удивительные вещи – смотри, к примеру, «Донские рассказы». Мне это тем более понятно, что я сам в 22 пробовал что-то писать, теперь вижу, насколько это было беспомощно...

Насчет перспектив Полины Клюкиной в «Большом времени» говорить рано, но то, что сделано крепко – это точно. Вообще она пишет вещи довольно жёсткие, как бы это пара-

доксально ни звучало, перед нами брутальная женская проза. А еще меня позабавило, что в ее сборнике «Дерись или беги» (наверное, это главный ее труд) чуть ли не единственный положительный персонаж-мужчина – это почти столетний дед, остальные наши братья по полу выглядят весьма не ахти...

Среди относительно немедийных могу назвать еще, например, Антона Уткина, мне как-то случайно попала в руки его повесть «Свадьба за Бугом». Настолько там фактурно и полновесно выписана легендарно-фольклорная белорусская глубинка – просто удивительно! Это медленно-медовое, тягучее чтение с привкусом мистики. Словом, всем, кому по душе «Вечера на хуторе близ Диканьки», – читать Уткина.

Кстати, среди известных писателей, разрабатывающих этноисторическую тематику, в первую очередь, наверное, нужно назвать Алексея Иванова. Например, его диалогия «Много званых» – «Мало избранных», по-моему, весьма выпукла и фактурна, читается легко и приятно. Да, Иванова критикуют за то, что какие-то исторические реалии он, дескать, подает неверно. Но он же художник, а не историк! Где-то я читал, что один из ветеранов первой Отечественной войны тоже жестко критиковал Льва Толстого за его «неисторичность» в «Войне и мире». Но ведь писатель создает некий миф, некий условный, если угодно, виртуальный мир, и нужно только понимать, как этот миф соотносится с реальностью, а не верить в него слепо.

Если продолжать историческую тему, то тут может заинтересовать авантюрный роман Андрея Геласимова «Роза ветров» об освоении русскими Амурского края. Упругая, часто остросюжетная проза со зримо воспроизведенной матчастью, то есть реалиями эпохи. Это практически реализм (там есть, правда, один мистический момент с шаманским воскрешением кота), хотя роман нельзя назвать документальным – там многое придумано. Этот текст вызвал у меня ассоциации с лучшими вещами Бориса Акунина.

Если же хочется взглянуть на историю через призму мифа, притчи, то могу посоветовать роман Яхиной «Дети мои», это такой мистический или – если пользоваться более привычным термином – магический реализм. Вообще мне не понятно, почему добротна написанная, но в общем-то неприятная

тельная «Зулейха» вызвала столько премий и восторгов, а фактурные, прямо хрустящие на языке «Дети мои» остались как-то обойденными славой. На мой вкус, второй роман с художественной точки зрения куда весомее. Но это, конечно, на мой вкус.

Если же мы хотим выверенной до нюансов исторической картины, то можем обратиться к премиальным романам историков Леонида Юзефовича («Зимняя дорога» – боль и ужас Гражданской войны в России), а также Петра Алешковского с его романом «Крепость». О последнем скажу два слова. Этот текст – странный сплав детектива, социальной прозы, исторического романа, деревенской прозы со щепоткой мистики. По-моему, особенно хороши у Алешковского исторические экскурсы, когда герой вываливается из современной России в исторические глубины. Если история периода монголо-татарского нашествия вам интересна – то это ваш текст. Да и вообще, если колорит минувших эпох вас притягивает – читайте «Крепость». В романе три главы, и вторая серьезно выламывается из общей канвы – перед нами практически в чистом виде «деревенская проза».

Среди антуражных хотел бы отметить и роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд». Если вам любопытно, как жили в средней Азии, на Ближнем Востоке тысячу лет назад, если привлекает история молодого ислама, хочется увидеть его глазами человека IX века, то это ваша книга. Очень глубокое, но не занудное погружение в эпоху. Перед нами, кроме того, и литературная история, зарождение знаменитой персидской поэзии. Всегда интересно сравнить: как жили литераторы тогда и как они живут сейчас.

Большой пласт современной прозы – осмысление советской истории, в частности, сталинской эпохи. Например, роман «Авиатор» Евгения Водолазкина – это, по сути, научная фантастика, но только, конечно, в контексте главного сюжетного пуанта, который связывает две эпохи: Россию 90-х годов прошлого века, знаменитые «лихие девяностые», и не менее лихие сталинские годы – годы внутрипартийной борьбы и репрессий. Роман очень лёгкий, почти воздушный, но не без двойного дна и антуражного вхождения в эпоху.

Вообще то, что хвалят в Водолазкине одни, то же самое ругают другие. Я имею в виду занимательность повествования, лёгкость чтения, без нарочитого, подавляющего интеллектуализма или авангардизма, без стилистических вывихов и нарочитостей. Да, у Водолазкина есть и свой стилистический эксперимент – это знаменитый «Лавр» – «неисторический» роман, как определил его сам автор. Интересный эксперимент, но это скорее исключение из общего правила.

Еще один относительно недавний «сталинский текст» – роман Захара Прилепина «Обитель». Как и обычно, Прилепину удаётся построить острый сюжет, довольно живо описать эпоху, раскрыть внутренний мир героя, бесспорно, этот текст написан мастером. Некоторые маститые критики назвали этот роман чуть ли не лучшим за последние годы, правда, есть и более сдержанные оценки. Однако человеку, который возьмет в руки эту книгу, нужно быть готовым и к жестокости, и к напряженной телесности, и к мату. Хотя матерится Прилепин здесь куда скромнее, чем в том же «Саньке».

Автор хотел показать широченные контрасты на советских Соловках – с одной стороны, амуры, театры, деликатесы, с другой – кромешный ад Секирки и блатные перехлесты. Спору нет: контраст создать удалось. Правда, предполагаю, не все будут в восторге от смеси свято-житийного повествования о новомучениках с физиологичностью описаний, от смеси молитв и площадной брани, в конечном счете, от православно-коммунистической позиции автора, которая, конечно, не выпирает во все стороны, но всё-таки прочитывается.

Вообще я изобрёл новый литературоведческий термин: «коктейльный роман». И вот «Обитель» – самый что ни на есть коктейльный роман. Что же я имею в виду? Коктейльный роман – это текст, на страницы которого проливаются все возможные жидкости, которые может исторгнуть из себя человеческое тело...

По части советской истории можно обратить внимание еще на один «коктейльный роман» – это «Женщины Лазаря» Марины Степновой, роман в трех повестях. Первая часть – это доброе, ироничное, фактурное и жизнеутверждающее повествование о катаклизмах в России начала прошлого века и том,

как люди могут обрести спасительный ковчег – через доброту, сочувствие, заботу – в бушующей пучине истории. А потом текст как-то незаметно перерождается в роман о боли, ужасах, девиациях, о глубокой душевной травме... Идилличность выветривается, зато нарастает «коктейльность». Иногда мне казалось, что автор стремится нарисовать как можно более жесткие картинки: например, натуральным Освенцимом выглядит описанная Степновой балетная школа.

Признаюсь, в современной русской прозе мне не хватает идиллии. По части таковой могу посоветовать роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Этот текст не больше не меньше – удостоен Букера десятилетия, наверное, потому, что выламывается из основной канвы современной русской прозы, которую не побоюсь назвать болезненной и «травматичной», если даже не девиантной. Главное в этом тексте для меня то, его можно и подростку посоветовать. Собственно, выступая в разных аудиториях и рассказывая – в том числе и молодежи – о современной русской литературе, я в первую очередь советую именно роман Александра Чудакова.

Написан он простым языком, без завихрений. И вроде бы со времен, о которых повествуется, прошло несколько десятилетий, но есть ощущение, что погружаешься в такую дремучую древность, в такое странное и непонятное время – особенно для поколения Z непонятное, – что по антуражности этот текст может соперничать с «Панджрудом» Андрея Волоса. А еще это – тихий, ностальгический свет детства, который многие наши классики пытались воскресить хотя бы на бумаге. Тёплый роман, действительно, идиллия, несмотря на то что и смерти, и боли там хватает. К слову, ассоциативно к роману Чудакова в моем сознании «привязывается» повесть «Ева и Мясоедов» из одноименной книги Алексея Варламова.

Еще один роман десятилетия, по крайней мере, я встречал у критиков именно такую оценку, это творение Мариам Петросян – «Дом, в котором». Очень трудно сказать, в каком жанре написана эта книга. Поначалу как будто реализм, потом думаешь, нет, мистический реализм, потом, нет, фэнтези, а потом... Потом просто уже не до жанровых изысков: текст затягивает настолько плотно, что из него трудно выбраться.

Некоторые из моих родственников и знакомых читали этот текст и реакция одна – восторг.

Неудивительно, что роман образовал уже собственную субкультуру – во многих городах существуют клубы поклонников этого текста. Да, это несомненно 18+, однако роман достаточно деликатный, несмотря на некоторые жесткие и трагические страницы, которые, в общем-то, способны и шокировать. Это не гламурно-конфетное чтение. Ну и мир, который создает Мариам Петросян, это нечто настолько живое и реальное, что трудно поверить, будто перед нами вымысел, а не «зари-совки с натурой».

Если же кто-то любит деревенскую прозу, прозу, условно говоря, «почвенников», тот старый добрый реализм, идущий от традиций царской и советской прозы, то могу назвать такие имена, как Алексей Варламов, Михаил Тарковский, Борис Якимов. Люди разных поколений, но у них есть некая общая жилка. Кстати, неожиданный «деревенский» роман в 2015 году выдал Роман Сенчин – называется произведение «Зона затопления».

Некоторые эксперты хвалят Михаила Тарковского, говоря, что он недооценен современной критикой. Пока я лишь одну его повесть прочел, и могу сказать, что, действительно, писатель он крепкий. Но это очень размеренная проза, без ставки на острый сюжет и быстрое развитие действия. Однако пока делаю такой вывод на основании одного текста.

Если же оттолкнуться от реализма и попробовать выйти на другой полюс, то здесь будут такие фантазмагорические авторы, как Ильдар Абузяров, Юрий Буйда, Ольга Славникова, Александр Иличевский, Павел Крусанов, Фигль-Мигль, тот же Шишкин или, например, Битов. Фантазмагоричны они каждый по-своему, это странная проза, которая далеко не каждому пойдет. Например, премиальный роман «Синяя кровь» Юрия Буйды написан в стилистике сна, гротеска, мифа... При этом перед нами узнаваемая советская атрибутика, какие-то части произведения можно принять вполне себе за реалистическое повествование...

Вообще мне нравятся стилистические эксперименты. Очень витиеват в этом смысле Иличевский, который неизменно выдает орнаментальные, и, если так можно выразить-

ся, «полусумасшедшие» тексты. Явно удался стилистический эксперимент Татьяны Толстой, издавшей в 2000 году свой роман «Кысь». Да и упоминавшийся «Лавр» Водолазкина – любопытная задумка – что-то в стиле Высоцкого, у которого древние люди, всякие там римляне и питекантропы, говорят на канцелярщине и советском новоязе.

Есть отдельное «крыло» в современной русской прозе, которое можно назвать «ироническим». К нему – в некоторых текстах – можно отнести Сергея Носова (см., например, «Фигурные скобки»), Германа Садулаева («Partyzаны & Полицаи»), Алексея Сальникова («Петровы в гриппе...»), Андрея Аствацатурова («Скунскамера»), последний, филолог, в своем романе матерится поистине с филологической изощренностью, часто выуживая свои иронические пассажи из отечественной «ненормативки». Но на самом деле «ироников» сегодня не так много – в чести всё-таки «серьезная тема». Возможно, не всем просто по плечу эта задача – написать иронический текст, например, как неуспешную я расцениваю попытку Андрея Геласимова создать произведение в подобной «тональности»: я говорю о романе «Дом на Озёрной».

Кстати, иногда ирония граничит с глубоким экзистенциальным пессимизмом: таков, по-моему, Аствацатуров, еще «более такой» – Сальников: ведь если вдуматься в подтексты его «Петровых...», это, в сущности, очень печальное, даже безысходное повествование. Если мир таков, каким его изобразил Сальников, то горе тем, кто живёт в этом мире.

Не могу не сказать о современной русской фантастике. Сразу оговорю, что в неё я еще только начинаю погружаться, мне пока трудно выбраться из той области, где существуют братья Стругацкие, Айзек Азимов и Филип Дик – мои любимые фантасты. Тем не менее несколько интересных современных авторов я для себя открыл. Это Александр Громов, особенно понравился его дебютный роман «Мягкая посадка», Вадим Панов умеет выстраивать захватывающие сюжеты в своем «Тайном городе», запомнился роман Павла Амнуэля «Исповедь», ироничен Михаил Успенский в своих текстах про Жихаря, по-моему, хороши и авторы, объединенные псевдонимом Генри Лайон Олди. Кстати, границы между «фантастическим гетто» и остальными истончаются. Напри-

мер, в 2019 году Андрей Рубанов получил премию для «высокой прозы» за фэнтезийный роман «Финист – ясный сокол». А по большому счету неореалист Прилепин имеет в копилке «Бронзовую улитку», это премия в области фантастики от Бориса Стругацкого.

В этом обзоре я ничего не сказал о некоторых уважаемых литераторах, даже можно сказать легендарных писателях, либо ныне здравствующих, либо недавно ушедших от нас. Это Василий Аксёнов, Даниил Гранин, Владимир Маканин, Людмила Петрушевская, Фазиль Искандер, Валентин Распутин, Саша Соколов. Лишь вскользь упомянул Андрея Битова. Каждый из этих людей – целая вселенная. Вот так выглядит мой беглый взгляд по верхам русской – в первую очередь, премиальной – прозы последних десятилетий.

Vitaly A. Gavrikov

Modern Russian Prose: Media and Hidden Names

The article analyzes modern Russian prose and notes that several circumstances influence the level of attention of readers to a modern text: the quality of the work's assessments by critics, the author's literary awards, and media means of promoting the work. The author makes a review of premium novels, noting the breadth of themes of these works and genre experiments of the authors which finally come up to a "cocktail" novel, and offers his list of the best novels by well-known and little-known authors.

Key words: modern domestic literature, literary awards, genre experiments.

For citation: Gavrikov, V. A. (2022) *Sovremennaya russkaya proza: imena medijnye i potaennye* [Modern Russian Prose: Media and Hidden Names]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 154–163. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_4_154

дата получения: 20.08.2022 г.
дата принятия: 06.09.2022 г.
дата публикации: 30.12.2022 г.

date of receiving: 20 August 2022
date of acceptance: 06 September 2022
date of publication: 30 December 2022